

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 15 (51)

Географические условия. Река Пшат.

Пшат — одна из крупных рек Черноморского побережья, с развитой системой притоков, главнейший из которых — Догуаб — также имеет массу притоков. Все пространство района Пшат (ущелье — в данном случае, условное название, так как вдоль течения есть весьма обширные открытые участки-долины) было густо заселено. Поскольку Главный Кавказский хребет — понятие, предполагающее высокие скалистые горы — в этом регионе (от Гойтха на запад) не имеет больших высот, то, практически, все пространство было заселено и культивировано, либо, в любом случае, активно использовалось под хозяйственные нужды.

Обращаем внимание на уникальное природное обстоятельство — исток Пшата, фактически, начинается на северном склоне Главного Кавказского хребта. Причем достаточно далеко от оси ГКХ — под так называемым Средним хребтом. На картах очень хорошо видно, как Пшат течет в направлении ГКХ и через него к морю: напротив верхнего течения Пшата на северном склоне лежат истоки Папая, Безипса и др. рек, текущих уже в направлении кубанской равнины.

О топографии Пшата, как удобного для сельского хозяйства района, говорит такое противоречивое название, как Широкая Пшадская Щель — весьма обширная долина над слиянием Пшата и его главного притока Догуаба. Эта долина примыкает к ГКХ. Схожий рельеф местности наблюдается над средним течением Мезиба (над тем местом, где в Мезиб впадает его главный правый приток — Адербиевка). Здесь также видим обширную нагорную долину с парадоксальным названием — Широкая Щель.

Этимология названия Пшад / Пшат. В топонимическом словаре А. В. Твердого при объяснении названия горы и реки Пшад приводятся две версии, ни на одной из которых исследователь не настаивает: «В основе перевода топонима абхазско-абазинское *атиад* — «безветренный». По другой версии, с адыгского — «место, окутанное туманом». (Кавказ в именах, названиях, легендах: опыт топонимического словаря. Красно-

ПШАТСКАЯ ДОЛИНА: НАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО ПРИМОРСКОГО РАЙОНА ЧЕРКЕСИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

дар, 2008. С. 266). Ссылки на словари Твердый не приводит. Сразу отметим, что предлагаемое у него адыгское объяснение — «место, окутанное туманом» — не находит себе обоснования на материалах адыгского языка.

Рассмотрим предложенную этимологию Пшад как абхазско-абазинское *атиад* «безветренный». Заметим, что в абазинско-русском словаре «безветрие» обозначено словом *пшадара*. (Абазинско-русский словарь / Под ред. В. Б. Тугова. М. С. 310). Подобное толкование не имеет оснований в природных и географических условиях.

Ветра в Пшаде, как и всюду на побережье, предостаточно. Во-первых, здесь дует сильный северо-восточный ветер, не задерживаемый низкими горами. На перевале Гойтх, напротив Туапсе, лес растет на самых высоких вершинах. Тем более, в районе Пшад. Неясно, что было названо изначально, гора Пшад (высота 743 м) или река Пшад, или гавань Пшад. Если гора, то предложенное «безветрие» на горе — явление невозможное в принципе. Если Пшад — изначально название гавани, то и в этом случае, «безветрие» далеко не местный признак. Очень часто дуют юго-западные ветры, как и всюду по кавказскому побережью. Гавань или бухта Пшад — открытая для ветров всех направлений.

Предлагаем ряд наблюдений Тэбу де Мариньи, профессионального моряка, много времени проведенного в Пшате (написание Мариньи — именно Пшат), и много раз причаливавшего и разгружавшего здесь грузы. Вот несколько выдержек из записей Мариньи: «12 мая. ... мы подошли к берегу, насколько это было возможно, несмотря на сильные порывы ветра, ежеминутно вырывающегося из долины Чанхоти

(Жанхоти, Джанхот, в непосредственной близости от Пшата. — Прим. С. Х.)». (Мариньи Т. де. Поездки в Черкесию / Пер. с франц. К. А. Мальбахова. Нальчик: «Эль-Фа», 2006. С. 59). 15 мая: «В 5 часов полудни легкий ветер с северо-востока позволил нам поднять парус, и мы пошли до Пшата, где стали на якорь». (Там же. С. 60). 6 июля. Прямо в гавани Пшата: «Сильный порыв ветра поднял волну на море, и стало невозможно пригласить этих дам подняться на судно». Вечером этого дня ветер с суши: турецкое судно, «пользуясь ветром с суши», отправилось с рейда Пшата. 16 июля: «Мы отплыли в 8 часов вечера при свежем северо-восточном ветре». (С. 102). В 1819 г. шхуна «Черкес», на которой в 1818 г. плывал Мариньи, разбилась в Пшате. (С. 151). Мариньи отмечает, что волны во время шторма в бухте Пшата были намного более мощными, чем в открытом море. (С. 153).

Территория Пшата входит в зону действия бора — сильного материкового ветра, дующего зимой и летом с особенной силой. Зимой бора резко понижает температуру на побережье от Анапы до Туапсе. Летом — столь же резкое повышение температуры, что приводит к усыханию листьев на деревьях. (Гейдук Я. Ф. Садоводство в северо-западной части Черноморской губернии // Труды съезда виноградовладельцев и виноградарей Черноморской губернии, в городе Новороссийске в 1899 году. Екатеринодар, 1899. С. 72-73).

Таким образом, как долина реки Пшат, так и гавань

Пшат не могут быть выделяемы из ряда других приморских местностей по предложенному признаку «безветрия». Даже, если мы предположим этот смысл, то должны быть и другие «безветренные» местности с ровно таким же наименованием.

В случае с Пшадом исследователю топонимики исторической Черкесии необходим адыгейско-русский словарь. В нем содержится точное соответствие топониму Пшад / Пшат — это слово пшатэ «дубило». (Толковый словарь адыгейского языка. Составители А. А. Хатанов, З. И. Керашева. Под ред. А. Н. Абрегова, Н. Т. Гишева. Майкоп: Адыг. респ. изд-во, 2006. С. 353).

Дубило, согласно словарю Даля, «дубильное вещество, танин». Дубить — «класть в дуб, т. е. вымачивать в отваре дубового корья (кожу) для выделки, или для охраны от гнилости (холст, сети, снасти)». (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: «Русский язык», 1998. С. 498).

У Мариньи в английском издании 1837 г. используется форма Пшат — Pchiate (Marigny

Taitbout de. Three Voyages in the Black Sea to the Coast of Circassia: including Descriptions of the Ports, and the Importance of their Trade: with Sketches of the Manners, Customs, Religion, & &., of the Circassians. L.: John Murray, 1837. P. 40 и др.). У Белла используется форма Пшат — Pshat. (Bell J. S. Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839. Vol. I. L.: Edward Moxon, 1840. P. 78 и далее).

Мариньи предлагал местному князю Индар-оглу организовать совместное предприятие — изготовление сафьяна. (Мариньи Тэбу де. Поездки в Черкесию. С. 96). Изготовление сафьяна предполагает определенные навыки в кожевенном производстве, а также наличие подходящего сырья. Все это было во владениях Индар-оглу, а рынок сбыта — вся Черкесия, население которой широко применяло изделия из сафьяна. В районе Пшата / Пшад эксплуатировались природные дубовые леса. (С. 91). Белл отмечает «избыток хорошего дуба» в районе между Пшатом и Суджуком. (Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. Пер. с англ. К. А. Мальбахова. Т. 1. Нальчик: «Эль-Фа», 2007. С. 129). В числе большого ассортимента товаров, дуб вывозился на продажу и самим Мариньи. Шкуры быков и коз — также традиционный предмет экспорта, разумеется не только Пшата, но и в том числе этой местности. (Мариньи Тэбу де. Поездки... С. 81). Мариньи прямо говорит о таком ремесленном производстве жителей Пшата, как дубление кож: «Мужчины плотничают, изготавливают ружья, отливают пули,

Склады Скассы и Мариньи в Пшате. Рисунок из книги Мариньи.

ПШАТСКАЯ ДОЛИНА

делают очень хороший порох и очень плохо дубят кожи, зажимая их между двумя кусками дерева». (Там же. С. 71). Качество, тем не менее, не могло быть совсем плохим, поскольку местные женщины изготавливали из дубленой кожи «подушки для седел, обувь, футляры для сабель, ружей и пистолетов». (С. 70-71). Шорное и кожевенное ремесла были равномерно развиты по всей территории адыгов, но могли быть и определенные центры такого производства, удовлетворявшие не только местный спрос, но и работавшие на экспорт.

Агрикультурный облик. Мариньи был впечатлен уровнем культивации долины Пшата: «Местность выглядит очень хорошо возделанной». (Мариньи Т. де. Поездки... С. 69). Через два десятилетия после визита Мариньи, Долину Пшата посетил Эдмунд Спенсер: «С первого момента, когда открылись передо мною черкесские долины, вид страны и населения превзошел самое пылкое мое воображение. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных холмов, почти ни одного клочка земли некультивированного, огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по колено в траве». Далее он развивает свои наблюдения: «правда, я был не столько обрадован, сколько удивлен, увидев высокий уровень разведения земледельческих культур, проявляющийся в столь далекой стране, населенной народом, который, как нас уверяли, еще не вышел из варварства». (Спенсер Эд. Путешествия в Черкессию / Пер. Н. А. Нефляшевой. Майкоп, 1994. С. 23-24).

В Геленджике Мариньи посетил усадьбу дворянина, состояние которой вызвало самую высокую оценку: «Позиция его жилища величественна. Оно расположено на рассто-

янии двух ружейных выстрелов от моря и окружено прекраснейшим английским садом, который только можно видеть». (Мариньи Т. де. Поездки... С. 51).

Белл в мае 1837 г., проплывая по морю из Чепсина (Вулана) в Пшат: «прекрасные луга, хлебные поля и лесные насаждения с разнообразными тут и там селами». (Белл Дж. Дневник пребывания... С. 96).

В Пшате Белл отметил, что «обработка земли как в долине, так и на многих холмах, где она простирается до трех четвертей их высоты, весьма значительна». (С. 100). У него же: «По мере того, как мы двигались вперед, плодородие почвы, казалось, увеличилось, но ни одного дерева, которые являются выносливыми, значительных размеров не было. Вдоль долины Пшата и далее на нашем пути на ближних горах значительная часть склонов редела из-за обработки их поверхности, когда мы приблизились к возделанным участкам, чтобы лучше их разглядеть, мы нашли их полностью огороженными прочным плетнем. Вокруг хижин в избытке домашняя птица, в самых удаленных реках можно заметить также диких уток... Вдоль всего пути я видел изобилие грушевых деревьев и диких яблонь, плоды их, как утверждают, отменны». (С. 103-104).

Раевский Н. Н. в 1840 г. отмечал: «Для торговли же Геленджика предназначены все богатые, населенные и обширные земли, простирающиеся на юго-восток. Места сии менее других пострадали от бедствий войны. Здесь зажиточные племена более всех занимались торговлей, в десяти милях ниже Геленджика, на Пшаде (Ново-Троицкое) живет Индар-оглу, некогда известный своей торговлей и сношениями с Турцией и Россией. В Пшаде прежде всего завелась и была главная мена солью, во время Скасси прежде чем в других пунктах,

она и ныне там возобновилась с Ново-Троицким гарнизоном... Излишне было бы описывать все столь же богатые долины, простирающиеся от Пшата к ю.-в., и для которых Геленджик есть единственный пункт торговли». (Записка ген. л. Раевского о торговле с горцами и переселении на восточный берег // АКАК. Т. IX. С. 470-471).

Внутренние торговые морские связи на побережье Черкесии. Из дневника Мариньи за 1818 год: «9 июля. Одна черкесская лодка, собиравшаяся отплыть, вызвала подозрения у наших друзей. Она принадлежала тем жителям ущелья (Пшата. – Прим. С. Х.), которые проявили особенное ожесточение против нас, и хотя они говорили, что идут за пшеницей к югу от Пшата, их уверенный тон убедил дворян, приставленных к нам в качестве охраны, что они замыслиют нападение на нас». (Мариньи Т. де. Поездки... С. 87). Тем не менее, нападение не состоялось, а судно действительно ушло за грузом зерна.

Дневник Белла содержит целый ряд указаний на развитие каботажного плавания. В Джубге Белл сел на судно и направился в Пшат. Через полтора часа, при скорости 4 или 5 узлов, он прибыл в бухту Чепсин.

В бухте Чепсин Белл наблюдал погрузку зерна для отправки в южную часть черкесского побережья: «В бухте была большая лодка, занятая погрузкой провиантов для южной области, где обработка земли была в прошлом году прекращена из-за чумы, туда занесенной». (Белл Дж. Дневник пребывания... С. 95).

Здесь же англичанин застал турецкое судно из Трабзона, зашедшее в реку. Важно заметить, вслед за Беллом, что эта небольшая река «на некотором расстоянии от своего устья выглядит достаточно глубокой, и мне показалось, что судно от

ста пятидесяти тонн найдет здесь достаточно воды, если только найти проходимый бар, так как сейчас он таковым еще является». (С. 95). В Чепсине экипаж усилился: в два часа на борт поднялись двое «полных задора юношей, которые гребли и пели весь остаток дня с ни на миг не ослабевающей энергией». (С. 95-96). В четыре часа судно достигло Беши, а к пяти часам – «широкого песчаного залива Пшат».

Владельческий род Индароко. Мехмет Индароко (Индар-оглу). Наиболее крупным феодальным владельцем в долине Пшата являлся дворянин Индароко: он фигурирует у Мариньи и как Индар-оглу (Indar-Oglou), на турецкий манер, и как Индар-ку (Indar-kou). (Мариньи Т. де. Поездки... С. 148-152; Marigny Taitbout de. Three Voyages... Р. 184 и др.).

Мариньи называет его князем, а его супругу – княгиней. Сообщается о том, что у Индароко были свои вассалы – дворяне. Но в плане прояснения статуса Индароко более предпочтительным является мнение Дж. Белла, который, рассказывая о статусе и влиянии князя Пшемафа Бастоко, отмечал: «род его, как говорят, считается очень древним, а его основатель, как утверждают, первым поселился не только в этой части края, но и занимал значительную толику южного побережья, где имел бесспорное верховенство; номинальная власть этого князя еще и сегодня простирается до Чепсина, по-другому говоря, приблизительно на семьдесят миль. Формально он выше Индароку, который не является «пши», по-другому говоря, князем». (Белл Дж. Дневник... С. 216). Тем не менее, в целом ряде источников Индароко фигурирует как князь, что, по всей видимости, отражало его владельческий статус. Наличие собственных дворян может отражать его тлеотлешийский статус, который в российских источниках обычно обозначается как узденский первой степени.

У Индароко имелась «небольшая полуфунтовая пушка», которую он использовал, в том числе, для салютования в честь приезда гостей. (Мариньи. С. 80).

Индароко не был князем всей области или ущелья Пшата. Он, по сути, являлся ее наиболее уважаемым и могущественным жителем. Но с юридической и политической точки зрения он обладал лишь немногим более значительным объемом прав и привилегий. Мариньи отмечает, что население устья Пшата на совершенно законных основаниях требовало от него уплаты торговой пошлины в свою пользу. Чтобы избежать этого, Мехмет предложил ему построить склады на его земле в половине от его дома, что обеспечивало как их безопасность, так и освобождало от «платы за право ввоза, которую черкесы требовали от нас». (Там же. С. 95-96).

Властные полномочия Инда-

роко накладывали на него и такие обязанности, которые характерны для правителя или владетельного князя. Так, согласно Мариньи, в 1820 г. Индароко объявил на своей территории карантин, позволивший избежать жертв от чумы, занесенной из Анатолии. (С. 151). Жители Пшата регулярно проявляли недовольство Индароковым, но они же ждали от него руководства и заступничества. Он представлял законные интересы жителей ущелья (или их части, по крайней мере) в отношениях с российскими властями. Так, он пишет письмо, в котором требует от русских чиновников заставить российского подданного грека Мудрова выплатить оговоренный с ним калым семье брошенной им жены – уроженки Пшата. (С. 150).

Влияние Индароко выходило за пределы Пшата. Так, уже после отставки Мариньи, судно им построенное и которым он командовал – шхуна «Черкес» – в 1819 г. потерпело крушение в Пшате: экипаж спасся, а «Индар-ку обеспечил им возможность безмятежно пересечь территорию натухайцев, чтобы отправиться в Россию. Этому содействовал и анапский паша». (С. 150-151).

Мариньи вспоминает, как он был принят в гостевом доме самим Мехметом Индароко: «Он встретил нас вместе со своим сыном Ногаем у входа во двор и проводил в домик для гостей, стены которого были украшены саблями, кинжалами, луками, стрелами, пистолетами, ружьями, шлемами и множеством кольчуг. При входе в дом мы сняли свое оружие, после чего нас пригласили сесть. Князя, так же как и прочие черкесы, остались стоять. После различных разговоров нам принесли воды помыть руки, затем сразу же подали обед на 15 столиках, следовавших один за другим по мере того, как мы съедали приносимые блюда». После настойчивого приглашения князь согласился сесть за стол со своими гостями: «Затем мы выпили за здоровье друг друга несколько рюмок водки, и он велел подать себе блюда, которые были убраны с наших столов». Позднее, супруга Индара-оглу накрыла обед для спутницы Мариньи, европейской дамы, на 12 столиках. (С. 85).

О хозяйстве или домовладении Индароко Мариньи сообщает следующее: «После полудня я попросил у него разрешения представить его жене. Он согласился, и в ожидании, когда она будет готова принять нас, мы обошли хозяйство, которое походило на все то, что я уже видел. Оно состояло из десятка домов, возведенных из плетня или бревен, обмазанных глиной и покрытых сверху соломой. В этих домах никогда не бывает больше одной комнаты; они служат жильем семье князя, дворян и слуг, обслуживающих его. Хозяйство окружено непрочными палисадами и расположено у подножия прекрасного холма в изги-

Пшат. Схема расположения аулов. 1837 г.

◆ - Склады Скасси и Мариньи. + Священная роща.

ПШАТСКАЯ ДОЛИНА

бе реки, берега которой заняты фруктовым садом и плантацией льна и кукурузы». (С. 70).

Аул в устье Пшата (неясно, принадлежал ли он к владениям Индароковых), как и окружающая его великолепная роща, в 1837 г. был истреблен отрядом Вельяминова. Любопытно, что Симановский предполагает, что это был княжеский аул. Его запись от 1 июня: «Прелестная роща, бывшая на берегу Черного моря, уже вся вырублена – как жаль мне ее! Этаким рощ мало можно встретить; посреди этой рощи был аульчик, вероятно, какого-нибудь князя, вероятно, черкесы в свободные часы отдыхали под тенью дерев, увитых виноградной лозой, или гуляли, наслаждаясь чистым, благоуханным воздухом. Я не в силах описать хорошо это место, скажу только, что оно очаровательно, теперь его как не бывало: от вековых деревьев и благоуханного орешника остались лишь одни пни, но и те со временем вырывают. Секира все истребила». (Дневник поручика Н. В. Симановского. 2 апреля – 3 октября 1837 г., Кавказ // Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Журнал «Звезда», 2000. С. 399-400).

О расположении главного аула Индароко достаточно четкое представление дает Г. И. Филиппсон, участвовавший в вельяминовском походе на Пшат в 1837 г.: «Мы ночевали на прекрасном плато, над рекой Пшадом, в ауле Яндароглу, где была когда-то славная фактория Де-Скасси. Аул, конечно, был пуст. На другой день нам оставалось сделать верст 12 до моря по широкой и прекрасной долине Пшада». (Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона. М., 1885. С. 135).

Комиссар Попечительства торговли с горцами Л. Я. Люлье, автор ряда важнейших этнографических описаний Черкесии, проживал в Пшате на протяжении 5 лет, о чем сообщает поручик Н. В. Симановский, участник экспедиции Вельяминова 1837 г.: «Моя рота занимала большой аул, чтобы никто не смел ничего в нем трогать. Я ходил по саклям, и они мне чрезвычайно понравились, особенно княжеская, в которой Люлье жил 5 лет, в ней чрезвычайная чистота». (Дневник поручика Н. В. Симановского. С. 404).

На карте 1837 г. аул Ендаров отмечен у слияния с Пшадом его главного правого притока Дооб (на современных картах – Догуба). (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6733: Карта следования действующего отряда за Кубанью под начальством г-на генерал-лейтенанта Вельяминова в 1834, 1835, 1836 и 1837 годах. Чертил роты топографов № 3-го топограф 2-го класса унтер-офицер Спицын. Масштаб: в английском дюйме 5 верст).

Данная карта содержит ряд названий аулов пшатского ущелья. На реках Дооб и Пшад с притоками: Ендаров (1), Тлиеф

(2), Сипе-хабль (3), Огутле-хабль (4), Шючий (5), Кобле (6), 2 аула без названия (7), Ханду (8), Соотохо-хабль (9), Сохта (10), Псише-хабль (11), Пцаше-хабль (12), Бате-хабль (13), 1 название неразборчиво (18). На реке Вулан (Чепсин) с притоками: Мафекотль (14), Пшимгуот (15), Хокуб (16), Мафечю-хабль (17). [См. схему расположения аулов Пшата, составленную по материалам этой карты].

В поместье Индароко в 1837 г. побывал Дж. Белл, который в компании с натухаевским тлекогтешем Зазиоко (Zazioku) из Джубги причалил в Пшате и направился к месту жительства Индароко, «вождя этих мест», которое было расположено на расстоянии 4-5 миль от моря. Уже затемно прибыли в поместье Индароко и расположились в «новом и очень чистом доме для гостей с красивой оградой, а диван был украшен красивой циновкой, турецким ковром и шелковыми подушками. Вскоре после того подали горячий ужин, в котором участвовал один из сыновей вождя». (Белл Дж. Дневник... С. 98).

Запись за 12 мая 1837 г. в дневнике Белла: «После завтрака мой хозяин, Индар-оку, которому «сто зим окрасили в белый цвет бороду», нанес мне визит». Если сведения Белла верны, то Мариньи сильно ошибался, когда писал, что Индароко в 1818 г. было порядка 65 лет. Белл отмечает, что Индароко «носит лишь усы; наблюдения, что я сделал позже, заставляют меня думать, что когда-то это было черкесской модой, особенно у поклонников креста». (С. 99).

Тем не менее, в том, что Индароко не носил бороду, которая была почти обязательным атрибутом для черкесов, просматривается вовсе не надуманное христианское влияние, но, напротив, старая османская мода. Поскольку Индароко был тесно связан с османской администрацией и, вполне вероятно, имел османский военный чин, то и в какой-то мере следовал османским порядкам.

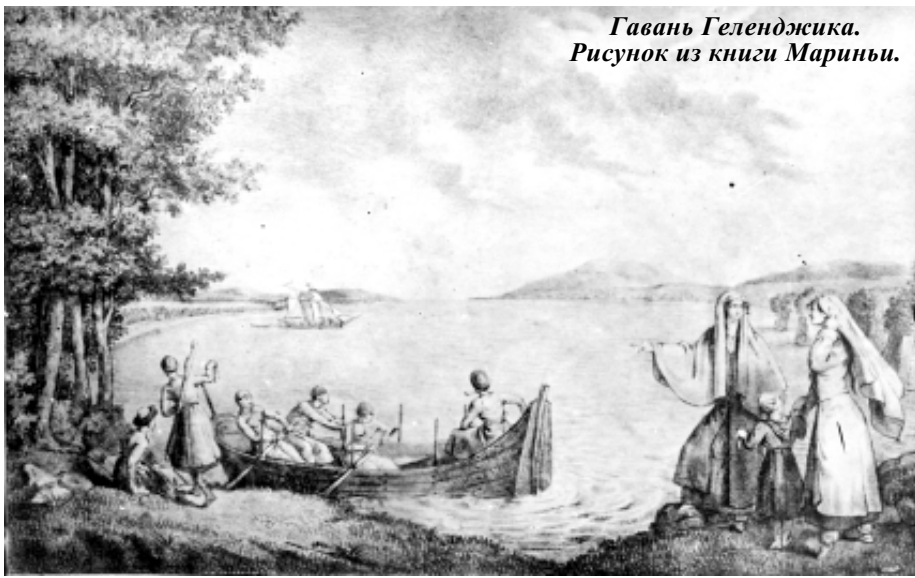
Впечатление о нем Белла: «Среди прочего я заметил, что Индар-оку придерживается главным образом черкесских обычаев, в то время как Кехри-ку (Шамуз Чупако, его родственник. – Прим. С. Х.) более склонен к введению некоторых турецких обыкновений». (С. 312).

Описание встречи с Мехметом Индароко интересно как само по себе, так и потому, что это была личность, о которой Белл читал в книге Мариньи: «Я сказал ему, что был счастлив непосредственно познакомиться с ним ввиду того, что уже знал о нем и по тому, что прочитал, и по тому, что услышал в разговорах; он ответил, что думает, что о нем сказали и хорошее, и плохое, но тем не менее он все же рад видеть

и принимать, насколько в его силах, хорошо (как это он поступил по отношению ко мне) тех, кто приезжает к нему, добавив, что когда я отправился на юг, это было слишком далеко, чтобы он попытался следовать за мною, но когда он узнал, что я отправился к его дому, радость мешала ему спать всю ночь: ждал, что ему вот-вот сообщат о моем прибытии и что он все равно не смог бы отдохнуть, пока не пришел повидаться со мною. «Мы слишком бедны, – продолжил старый вождь, – чтобы достойно вознаградить англичан за то, что они думают о нас в нашей беде, но Бог их вознаградит, и именно о том я прошу его каждый день в моих молитвах. Сейчас я стар и весьма немощен, и мое единственное желание – увидеть, перед тем как умереть, мою страну свободной и пребывающей в мире». Я сказал ему, что наилучшими средствами для старости были бы покой, отсутствие забот и тревог, что он

возвышенностей, которые предоставили бы хорошее убежище в случае вражеского визита». Встреча Белла с Индароко в Пшате состоялась за 12 дней до его оккупации отрядом Вельяминова 24 мая 1837 г.

«Шамуз рассказывал мне прошлой ночью, что в течение этого года он потерял двух братьев, сражавшихся против русских, но эта потеря, как говорит он, не печалит его: они погибли со славой и он еще надеется умереть так же. В целом, говорит он, я потерял в этой войне тридцать два родственника. Это старый, опытный солдат, который сражался против французов в Египте, где был серьезно ранен; находился на борту турецкого военного судна, когда адмирал Дакворт захватил Дарданеллы. Он говорит, что его родственник Индар-оку был в свое время очень храбрым и очень непримиримым воином». (С. 107). По крайней мере, часть из упомянутых 32 родственников Шамуза были членами фамилии Чупако.

Гавань Геленджика.
Рисунок из книги Мариньи.

должен верить, что дело его страны ныне находится на этапе достижения успеха. «Как могу я отдыхать, – ответил он, – когда мое сердце терзается тревогой по поводу моей страны?» После этого он попросил (то, что делается всегда) у меня позволения удалиться. Я описываю встречу тем более охотно, что я не знаю, на каких основаниях могла распространиться мысль, что этот вождь является другом России, чему я не вижу никаких доказательств; и его соотечественники, коих я расспрашивал о нем, все отвечали, что когда-то он был ярким сторонником торговых отношений с Россией (демонстрирует всегда большое уважение к г-ну де Мариньи), но он изменил точку зрения и принял участие в войне против русских на Кубани. К тому же сейчас на его реке, на якоре, стоит турецкое судно (в нарушение русских законов), его порт недавно был атакован с целью разрушить один или два других, которые здесь находились во время нескольких вооруженных нападений, и он отправил одного из своих сыновей ко мне в Жюбгу. Его село в любом случае находится достаточно далеко от досягаемости пушек его «друзей» – у подножья нескольких

Белл отмечает активное участие семьи Индароко в черкесском сопротивлении. Старший сын Мехмета Индароко – Ногай – в 1836 г. отличился в сражении с отрядом Вельяминова в Цемесе. (С. 128). 8 июля 1837 г. внук Индароко и двое его вассалов были ранены в одной из стычек с отрядом Вельяминова в Пшате. (С. 207).

Белл описывает военный совет с участием Хаудоко Мансура и Кехрико Шамуза в верхнем Пшате, в нескольких часах пути от русского лагеря в нижнем течении Пшата. (С. 165). Позже к совету присоединился «старый Индар-оку Мехмет верхом на молодом и крепком коне. Он спешил с него с таким проворством, а его походка была столь легкой, когда он шел к нам с туго затянутым поясом и всем своим оружием на себе, что в какой-то момент я признал в нем лишь сходство его черт с чертами моего старого друга, не веря в возможность того, что это был столетний старец Индар-оку. По обычаю, вожди при его появлении все встают; но старейшины отправились в другое место закончить то, о чем мы только что говорили (дело предателей), и, одним словом, прием, что они ему

устроили, убедил меня, что недоверие, объектом которого стали этот вождь и его семья из-за их предшествующих связей с господами Скасси и де Мариньи, является чувством, глубоко укоренившимся и весьма общим. Мне рассказали, что Скасси в последнее время пытался завязать переписку с этим семейством, чтобы склонить ее покориться России; но я не услышал, чтобы кто-то привел хоть один достоверный, его дискредитирующий факт. Его репутация, вероятно, стала жертвой простых подозрений или распространяемой его старыми врагами лжи». (С. 167).

Здесь, на условном полуострове, образуемом двумя истоками Пшата, в дубовом лесу поселилось семейство Индароко: «Дорогу нам указывал Чурук, зять Индара-оку; по прибытии к огороженному травой месту он попросил нас там остановиться и подождать. Через мгновение из рощицы вышли и направились в нашу сторону старый вождь, его сыновья и многочисленные люди их свиты. Неоднократные извинения были сделаны нам, что нас встречают вне дома, но иначе не могло быть ввиду того, что их жилище еще не было построено и что они, их жены и их семьи в тот момент все располагались под открытым небом. Были принесены и расстелены на траве циновки и подушки, и вскоре после этого нам поднесли горячее угощение. В течение этого времени достаточно активным образом велась беседа в основном с Ногаем, старшим сыном вождя, которому, говорят, шестьдесят пять лет; но его живость, атлетические формы и походка придают ему абсолютную внешность человека, на пятнадцать лет моложе. Он с большим пылом говорил о необоснованных подозрениях, объектом которых они были из-за того, что некогда торговали с русскими. Он добавил, что теперь они живут как бы на лезвии сабли, хотя всегда участвовали в войне; он заметил, что их отец в последнее время тоже несколько раз высказывал желание отправиться сражаться, но они воспрепятствовали из-за его возраста. Он рассказал нам, какое удовлетворение испытал, узнав, что вожди вмешались, чтобы защитить товары английских негодяев; прецедент, заметил он нам, могущий внести во всех отношениях большую стабильность в коммерческие дела. И это тем более необходимо, добавил он, что отношения, перед тем существовавшие между вождями и их подневольными, позволявшие первым осуществлять некоторую степень контроля, в ходе последней войны в значительной мере устарели и вышли из употребления, позволив последним отныне отправляться, куда им заблагорассудится без совета

ПШАТСКАЯ ДОЛИНА

или указания их владык. Он объяснил нам, что из-за этого семья князя Пшемафа (живущая в этих окрестностях) за короткое время потеряла более тысячи вассалов. Мы дали обещание потребовать на ближайшем съезде восстановить справедливость по отношению к этой семье и задались целью предостеречь простой народ от заблуждения оказаться слишком легковверным в вопросе измены, что принесло столько бед полякам во время последней войны, которую они вели за свою независимость. Индар-оку казался весьма признательным за наше обещание и бросил нам среди прочих выражений фразу: «После Бога – англичане!». (С. 173-174).

Позднее, записью от 4 ноября, Белл сообщает, что внук Мехмета, сын его старшего сына Нога, был убит в Пшате во время стычки с гарнизоном. (С. 286). Белл сообщает о том, что Шамуз ездил на соборное заседание к Мехмету Индароку и его семье.

В конце 1837 г. семья Индарока переселяется в Семез (Цемес). (С. 302).

Натухаевский феодальный род Чупако. Шамуз Кехрико-Чупако, Мансур Хаудоко-Чупако, Саат-Гирей Калабаток-Чупако.

Комиссары (комиссионеры) Тауш и Люлье в начале 1826 г. сообщали из Черкесии: «В конце истекшего 1825 года значительные натухайцы, именуемые Супаква, должны были отправиться к абазинцам на тот конец, чтобы изъяснить им выгоды, доставляемые жителям Черкесии торговлей с русскими, и чтобы склонить их также пользоваться оной и жить в добром согласии с нами; между тем известные в Абазии фамилии Берзек и Дезшен прислали недавно к означенным натухайцам депутата Хаджи-Докумоглу (Хаджи Догумуко-Берзек, виднейший представитель убыхской дворянской фамилии Берзек. – Прим. С. Х.) просить посредничества их в доставлении им возможности участвовать в торговых сношениях с Россией... Помянутые фамилии Берзек и Дезшен живут в самой середине Абазии, выше Субеше, Вардане, Саше и других известных нам прибрежных местах». (Извлечение из донесений комиссаров, находящихся в Черкесии: Тауша и Люлье, с 25 января по 11 февраля 1826 года // АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 492). В данном случае, под абазинами и Абазией подразумеваются убыхи и Убыхия соответственно.

Супаква, упоминаемые комиссионерами, являлись первостепенными дворянами Чупако (у Белла – Tshupako), которые у Хан-Гирея фигурируют в форме Ввпако-р. (Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 208). Это сдвоенное **вв-** не должно нас вводить в заблуждение. Таким образом Хан-Гирей передавал адыгский звук **цу**. Так, Чепсин (Вулан) у Хан-Гирея передан как Вв-псин. Как отмечает Хан-Гирей, Ввпако-р – первенствующая дворянская фамилия натххоккоадьского племени.

Принадлежность Индароку к фамилии Супаква засвидетельствована Рафаэлем Скасси в его рапорте Ермолову: «Индароглу, остающийся теперь между натухайцами первейшим из фамилии Супаква, переносил всевозможные обиды и разорения от шапсугов за оказываемое им покровительство судам нашим и купечеству». (Рапорт к. с. Скасси ген. Ермолову, от 4 апреля 1826 года, № 63. – Керчь // АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 495).

Скасси отмечает, что Индароковы и Калабаты являлись родственниками. После погрома, учиненного отрядом черноморского атамана Власова в аулах натухайского «князя» Саат-Гирея Калабат-оглу в 1826 г., Скасси требовал компенсировать ущерб, причиненный черкесам и наказать атамана.

«Черноморские казаки сделали нападение на деревню самого Саат-Гирея, взяли весь его скот и пожитки и сделали пленными двух его теток, сестру и малолетнего брата, а жилище сожгли. Сей князь Саат-Гирей есть племянник покойного Калабат-оглу, одного из сильнейших князей натухайских, заключившего прежде всех мир с русскими в 1810 году и оказывавшего нам с того времени по самую кончину свою неизменное усердие и преданность. Два сына его, умершие в 1812 году, воспитывались в Одессе. Родственники кн. Саат-Гирея прислали из Пшата чиновника нашего (видимо, Тауша. – Прим. С. Х.) просить содействия моего в сем несчастном для них случае». (Письмо к. с. Скасси к ген.-м. Власову, от 8 марта 1826 года, № 51 // АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 496).

Атаман Власов нанес удар именно по тому владельцу и населению, которое было в наибольшей степени привержено России. Калабат-оглу при содействии Скасси вел обширную торговлю с русскими и неизменно представлял интересы российской администрации в западных районах Черкесии. Калабаты также являлись отраслью фамилии Чупако, которая, как видим, активно содействовала миссии Скасси на всем пространстве Натухая от Кубани до Пшата. В следующем донесении Скасси отмечает: «Семейство кн. Индароглу чрезмерно оскорблено обидами, нанесенными ближайшим их родственникам и самым ревностнейшим приверженцам нашим». (Там же. С. 497).

Отстранение Власова, возвращение пленных и возмещение ущерба урегулировали конфликт между натухайцами и российскими властями. В 1828 г. министр иностранных дел граф Нессельроде считал возможным отметить преданность Индар-оглу: «Наиболее нам благоприятствует поныне Пшадский князь Индар-оглу с детьми своими». (Отношение гр. Нессельроде к гр. Дибичу, от 16 января 1828 года, № 67 // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 877).

Согласно Беллу, Мехмет Ин-

дароко являлся двоюродным братом Шамуза Кехрико. (Белл Дж. Дневник... С. 312).

Белл писал о своей первой встрече с Шамузом Кехрико-Чупако: «Вчера утром я хотел покинуть Вардан в ранний час, но Ахмет (Али Ахмет, князь Сочи. – Прим. С. Х.) выглядел столь мало расположенным предоставить мне средства, дабы отправиться в путь, что я почувствовал себя счастливым, когда к полудню увидел прибытие Хазеши, одного из северных посланцев... Я мог теперь ехать. Мы достигли этой очаровательной долины приблизительно за час до захода солнца, и там мы встретили Кехри-Ку Шамуза (Kehri-ku Shamuz), другого из числа посланцев, который выехал из Вардана, чтобы встретиться со мной, но некоторые недомогания вынудили его остановиться здесь. Это высокий, худощавый и хорошо сложенный старец, у которого, как снег, белая борода, развитый лоб, светло-коричневые и пронизывающие глаза и живое выражение лица, хотя и несколько саркастическое. Его костюм состоит из антэги и штанов из хлопка белого цвета, темно-коричневого цвета балахона, обшитого серебряным галуном, и шапки из шерсти черного барана. Я узнал, что это один из самых влиятельных членов дворянского могущественного рода Чупако». (С. 72).

Надо отметить, что Шамуз в 1837 г. пребывал в почтенном возрасте. Мехмет Индароко – в еще более почтенном возрасте – согласно Беллу, он перевалил за 100 лет! Это интересно в том плане, что у Филиппона рассказывается об эпизоде встречи Вельяминова с пятью натухайскими старшинами-стариками. Вполне вероятно, что двое из них – Шамуз и Мехмет. Предположение о том, что часть или все пятеро стариков, встречавшихся с Вельяминовым, были представителями первенствующей дворянской фамилии Чупако, находит поддержку в ряде сообщений предшествующего периода: «значительные натухайцы, именуемые Супаква» (1826 г.) проводят переговоры с убыхскими Берзеками и Дешенами. Белл писал, что в одном бою на юге (то есть на юге Черкесии, в Убыхии) сразу погибли три зятя Шамуза Чупако. (С. 225).

Интересная подробность семейной истории Шамуза, сообщаемая Беллом: дочь Шамуза Шупако была замужем за братом трапезундского паши. (С. 225).

Еще один, едва ли не самый могущественный представитель рода Чупако – Хаудоко Мансур, «главный военачальник в этой провинции (Натухай. – Прим. С. Х.), из благородного и влиятельного братства Чупако». (С. 282). Белл посетил его аул на р. Псебебс 1 ноября 1837 г. В это время Мансуру было 60 лет. (С. 284). Мансуру Хаудоко-Чупако посвящено множество сообщений из современных источников – в особенности, российских военных отчетов.

Таким образом, почти все

главные военные и политические лидеры натухаевцев, с которыми довелось познакомиться Беллу, являлись представителями тлеотлешской фамилии Чупако. Они же являются главными героями книги Белла. Как только Белл пересекал границу Натухая и оказывался на территории Большого Шапсуга, то он неизменно имел дело с представителями старшинской тфокогльской верхушки, в руках которой находились все реальные средства управления обществом. Из числа шапсугского дворянства видное положение занимал только Кизбеч Шеретлуко (Гуз-Бег у Белла). Это состояние шапсугского общества было результатом социального переворота, произошедшего в конце XVIII в.

Священная роща в устье Пшата. Первое, что привлекло внимание англичанина по прибытии в Пшат: «Деревянный крест водружен на опушке небольшого леса близ побережья». (С. 98).

Белл был удивлен и воодушевлен тем обстоятельством, что в Черкесии сохранялись столь зримые остатки христианства: «Семья Индароку исповедует культ креста, и детали, относящиеся к этому культу, что мой слуга получил здесь от одного из русских рабов, весьма отличны от тех, что были у меня ранее, и приняли оттенок взглядов Мехмета, от которого я и заполучил эти детали. Русский говорит, что обряды проводятся в воскресенье раз в два месяца и что если мы останемся до ближайшего воскресенья, мы сможем увидеть старого Индароку и его семью спускающимися вместе с другими к кресту для поклонения ему. Обряды, говорят мне, выглядят следующим образом: религиозное братство становится на колени в непосредственной близости от креста, и каждый произносит свои молитвы, после чего два старца приближаются к кресту, держа в руке хлеб или пасту, а также напиток под названием *шут*, или *бозе*. Они взывают к небесному благоволению этого хлеба и этого напитка, затем распределяют их среди присутствующих. Если у меня окажется благоприятный случай, я попытаюсь заполучить впоследствии более точные сведения».

Чувство огромного сожаления вызвал у Белла факт уничтожения отрядом Вельяминова священной рощи в устье Пшата: «Это не моя страна, и, тем не менее, я испытал болезненную тоску (каковой не было в ощущениях старого Индароку!), замечая, что священный лес близ берега, где был воздвигнут крест, был полностью вырублен варварами, за исключением двух или трех почтенных по возрасту деревьев, чьи дни тоже могут оказаться сочтенными». (С. 170).

Кулинарные заметки путешественников. Система питания. Гостеприимство. В долине Адуваху (Aduwhau), Натухай: «Пища у нас восхитительная и в изобилии, ибо ее поставляют три семьи, и каждый прием пищи является своего рода пикником; некоторые

блюда иногда дублируются, что не мешает моей обязанности испробовать все, чтобы не обижать тех, кто их готовит. Пашта здесь лучше, чем на юге, как по качеству, так и по приготовлению, но для меня самым примечательным блюдом была смесь масла и меда, которую едят со сладкими пирожками. Что касается масла, то оно было лучшим во всех отношениях, что я еще встречал после моего отъезда из Англии, и равное по качеству тому, что производит большинство наших фермеров. Когда торговля будет свободной, этот товар должен стать предметом значительного экспорта в Константинополь, куда ввозится огромное количество плохого русского масла». (С. 111).

Белл отмечает, что «начиная от Пшата и далее на юг во всех долинах видны ореховые деревья; их много и в этой красивой маленькой ложбине (Ту. – Прим. С. Х.). Здесь готовят с орехами очень вкусный соус, что употребляют с вареным мясом или с блюдами, приготовленными на пару, что очень подходит к рыбе». (С. 390). «Впервые я поел вареной тыквы; я нашел ее очень вкусной с молоком и достаточно похожей по вкусу на сладкий картофель. Сладость и мучнистые качества этого овоща должны делать его в высшей степени питательным продуктом». (С. 312). Белл отмечает, что такие овощи как свекла и капуста засаливались и употреблялись с медом. (С. 346).

Дома и утварь. В Семезе (Цемесе), 16 мая 1837 г., в доме Шамуза Чупако: «Дом для гостей лучше выстроен и лучше покрыт из всех таковых, что я до сих пор занимал, и он наполовину окружен деревьями и кустиками, среди которых имеется большое число диких розовых кустов. Диван покрыт шелком, имеет спинку, украшенную золотыми нитями; ночью я лежал на малинового цвета шелковой подушке и у меня было полосатое шелковое одеяло. Наши застолья многочисленны, а блюда превосходны. Единственное, от чего я страдал, – это столь долго оставаться дома (со скрещенными ногами на диване, дабы принимать гостей) рядом с большим костром, горящим и днем, и ночью, хотя температура в пять часов утра была от 55 до 60 (от 13 ° до 15 ° по термометру Цельсия, или от 10 ° до 12 ° по термометру Реомюра). У нас здесь есть очень хорошее мыло, которое делают сами (из пепла костров добывают необходимую щелочь). Так как госпожа Кехри-Ку сегодня занята стиркой моих вещей, она попросила меня позволить ей отложить смену моей туники, пока не закончится стирка». (С. 115). Белл гостил в новом, недавно обстроившемся, ауле Шамуза, поскольку в 1836 г. солдаты Вельяминова разрушили дом Шамуза, «построенный на константинопольский манер», в Суджукской долине. (С. 113).

Самир ХОТКО.

(Продолжение в следующем выпуске).